

Кривая вѣдьма.

Жилъ-былъ мужикъ. Семьи у него не было. Задумалъ онъ жениться. Женился, да жена-то попала ему кривая и лѣнивая. Заставляетъ онъ ее работать, а она ни съ мѣста, и знать мужа не хочетъ. Ни обѣда ему не состряпааетъ, ни одежды ему не сдѣлаетъ, а такъ живетъ даромъ. Разъ какъ-то и говоритъ мужикъ: ты бы, жена, хоть пряла.—

Ладно, отвѣчаетъ жена, стану прясть; только сходи въ лѣсъ, да изготовь мнѣ мотовило. — Обрадовался мужикъ, что жена работать захотѣла, живо пошелъ въ лѣсъ. Только жена—откуда и прыть у нея тутъ взялась—опередила мужика, обѣжала его другой дорогой и притаилась за деревомъ. Мужикъ пришелъ въ лѣсъ, выбралъ лѣсину и сталъ ее ру-

Мужикъ пришелъ въ лѣсъ и сталъ рубить дерево.

Рисунокъ В. Ткаченко.

бить, да едва успѣлъ раза два по дереву ударить, какъ жена его жалобнымъ, такимъ голосомъ заплакала: „чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не сѣки, мужикъ, мотовило—жена умереть“.—Услыхалъ мужикъ плачь и задумался: „это,

видно, какая-то птица поетъ; нѣтъ, не стану дѣлать мотовило; жена теперь у меня стала бойкая — за работу хочетъ приняться; жаль будетъ, если помретъ“.— Мужикъ бросилъ работу и пошелъ домой ни съ чѣмъ. А жена давно его опе-

редила, идетъ изъ дома къ мужику на встрѣчу и спрашиваетъ:—что, хозяинъ, сдѣлалъ мотовило? — Хотѣлъ, хозяйка, сдѣлать, да какая-то птица сказала, что помрешь, если я его сдѣлаю, а мнѣ тебя жаль. — Охъ, хозяинъ, не слушай ее, а завтра поди и сдѣлай. — На другой день мужикъ снова пошелъ въ лѣсъ, а баба опять тоже сдѣлала: забѣжала впередъ, притаилась за деревомъ и мужика дожидается. Только началъ мужикъ топоромъ стучать, а она ужъ плачетъ жалобно: чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не сѣки, мужикъ, мотовило—жена умереть“. — Мужикъ снова задумался: дѣлать или не дѣлать мотовило. Нѣтъ, не стану дѣлать, вонъ у меня какая бойкая жена и смерти не боится, такъ работать хочетъ; жаль ея будетъ, коли помретъ. Вернулся мужикъ домой ни съ чѣмъ, а жена, обѣжала его, выходитъ изъ лѣсу и по вчерашнему спрашиваетъ: — что, хозяинъ, сдѣлалъ мотовило? — Хотѣлъ, хозяйка, сдѣлать, да опять вчерашняя птица сказала, что ты помрешь, если я его сдѣлаю, а мнѣ тебя жаль. — Охъ, хозяинъ, не слушай ее, а завтра поиди и сдѣлай. На другой день мужикъ опять пошелъ въ лѣсъ, а жена ужъ давно тамъ. Только мужикъ за работу а она и плачетъ такъ жалобно: „чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не сѣки, мужикъ, мотовило—жена умереть“. Задумался нашъ мужикъ, что ему дѣлать, а потомъ и рѣшилъ: будь, что будетъ, а жаль жену изобидѣть; вонъ какъ она работать хочетъ, по третій день его посылаетъ. Мужикъ сталъ рубить мотовило. Долго баба плакала напрасно, высѣкъ мужикъ мотовило, обдѣлалъ его и идетъ домой, а жена давно уже домой пришла и выходитъ къ мужику на встрѣчу:—что, хозяинъ, сдѣ-

лалъ мотовило?—Принесъ, хозяйка, принесъ; теперь пряди. — Взяла баба мотовило, а прясть ей больно не охота. Все-таки думала, думала, да и напредила нитокъ, намотала на мотовило пасмы съ двѣ примѣрно, взяла большую кадцу, положила туда кудели и поставила ее у порога передъ дверями; потомъ сняла съ мотовила нитки, да растянула ихъ поверхъ кудели. Пришелъ домой мужъ, и вотъ пряха ему говоритъ: — смотри, хозяинъ, собаки въ домъ не пускай, а не то перепрыгнетъ она черезъ кадцу и изъ нитокъ снова кудель станетъ. А вѣдь я вонъ сколько напредила—жалко будетъ.—Смекнулъ мужикъ, что хитритъ его баба. Онъ видитъ, что напредино мало, и впустилъ въ избушку собаку. Прыгнула собака черезъ кадцу, зацѣпилась въ ниткахъ, да и стащила ихъ на полъ. Кричитъ его баба:—охъ хозяинъ, что ты надѣлалъ! Говорила я тебѣ не пускай собаки, а теперь вотъ видишь, что изъ нитокъ стало.—Думалъ, думалъ мужикъ, что съ бабой сдѣлать, и не придумалъ ничего другого, какъ спросить ее: вотъ, хозяйка, идетъ праздникъ большой — Пасха Христова. Всѣ люди снаряжные (нарядные) будутъ, а я въ чемъ въ церковь пойду?—Молчи хозяинъ, одежду я тебѣ излажу, снаряжу тебя побассѣе (покрасивѣе) другихъ.—Наканунъ праздника, взяла баба и заколола курицу; перья съ нея ощипала; потомъ пошла въ лѣсъ и насбирала тамъ сѣры съ деревьевъ. Пришла домой, велѣла мужику раздѣться, обмазала его съ ногъ до головы сѣрой и обсыпала его куриными перьями, да такъ и послала въ церковь. Пришелъ мужикъ въ церковь, а тамъ народу много-премного. Всѣ на него дивуются, всѣ его боятся;

всѣ съ него глазъ не сводятъ: Кто это пришелъ? Кто это такой? Такъ всѣ шептали другъ другу, но узнать его такъ-таки никто не могъ. Допрежь этого, какъ теперь, и въ церквахъ порядка было не-много. Въ сутолокѣ кто-то толкнулъ, по

нечаянности, мужика, а онъ-то отъ толчка и насунься, на грѣхъ, на свѣчку. Какъ только огонь коснулся перьевъ, тѣ вспыхнули. Загорѣлся мужикъ съ головы до ногъ. Жжетъ его огонь, давай-ка онъ бѣжать домой. Прибѣжалъ и говорить

Давай-ка онъ бѣжать домой.

Рисунокъ В. Ткаченко.

женѣ:—ахъ, ты, такая-сякая, что со мною паробила (сдѣлала)! Поглядико на меня вѣдь я нагой прибѣжалъ и всѣ меня такимъ видѣли. — Шибко разсердился за это мужикъ на свою лѣнивую бабу и задумалъ ее какъ-нибудь извести. Вотъ идетъ онъ какъ-то къ рѣчкѣ и сдѣлалъ черезъ нее два перехода: одинъ изъ хорошихъ досокъ, а другой изъ гнилыхъ. Привелъ онъ свою бабу къ гнилымъ доскамъ и говоритъ: „смотри, баба, по этому переходу не ходи, не скачи: пойдешь—худо тебѣ будетъ“. А надо ска-

затъ, что Лютра (такъ прозвали жену мужика) всегда дѣлала ему наперекоръ: и теперь на слова мужа она перечила: „а вотъ пойду, эле-люкъ пойду, вотъ пойду, эле-люкъ пойду“. Она побѣжала по доскамъ, да только не успѣла добѣжать до середины перехода, какъ доски подъ ней подломились, и она упала въ воду. Только мужикъ ее и видѣлъ. Пришелъ мужикъ домой; вошелъ въ избу и видитъ пусто въ избѣ; жалко стало ему своей бабы. Что сдѣлать, какъ достать ее изъ воды, чтобы привести до-

мой. Вотъ сдѣлалъ онъ веревку, привязалъ къ ней зыбку, пошелъ съ снарядомъ къ рѣчкѣ и пустилъ въ нее зыбку. Потянулъ зыбку обратно и слышитъ,

что-то попало. Ну, думаетъ мужикъ, вытащу назадъ свою бабу и уведу ее домой, станемъ опять вмѣстѣ жить-поживать. Тащитъ онъ, тащитъ, глядь—вмѣсто

Мужикъ и Кикимора.

Рисунокъ В. Ткаченко.

его бабы попала ему въ зыбку нечистая сила—кикимора. Мужикъ сталъ было опускать ее обратно въ воду, да нѣтъ: кикимора схватилась за него крѣпко-прекрѣпко и говоритъ: „батюшка, спаси меня отъ кривой Лютры. Попала она въ наше царство и житья отъ нея намъ не стало. Спеси меня, вынь изъ воды и за это я тебѣ добро сдѣлаю. Съ этихъ поръ я стану забиваться въ богатые

дома; буду тамъ всячески пакостить вездѣ, гдѣ только можно, а ты будешь меня выживать, за это деньги получать и скоро разбогатѣешь. Только одно запомни: какъ придетъ время меня выгонять, ты войди въ домъ и крикни: „я въ домъ, кикимора изъ дому вонъ! Я тотчасъ же убѣгу“.

Видитъ мужикъ,—плохо ему придется; крѣпко схватила его кикимора;

вѣроятно жутко ей пришлось отъ кривой Лютры. Мужикъ вытащилъ изъ воды кикимору, и та сейчасъ же пошла гулять по бѣлому свѣту. Она забила въ одинъ богатый домъ и стала тамъ пакостить въ чашки и въ ложки, а затѣмъ бить посуду и все, что попадало ей подъ руку. Не рады стали ей въ домѣ и начали искать такого человѣка, который бы вывелъ ее изъ дому. Услыхалъ про это мужикъ, пришелъ и похваляется: „я могу кикимору выгнать“. Стали мужику кланяться: выгони кикимору. Онъ согласился выгнать кикимору и выговорилъ себѣ въ награду сто рублей. Взошелъ въ домъ и крикнулъ: „я въ домъ, кикимора изъ дому вонъ!“ Кикимора сейчасъ же убѣжала изъ дому, но по дорогѣ она все же шепнула мужику, куда

она опять идти хочетъ. Угостили мужика, дали ему сто рублей и просто не знали, какъ благодарить его за такую его услугу. Кикимора, между тѣмъ, полѣзла въ домъ болѣе богатый и опять стала пакостить, да еще хуже, чѣмъ раньше. Такъ она издѣвалась (издѣвалась), что хозяевамъ ни пить, ни ѣсть нельзя было—непокойное житѣе стало. Вотъ рослышавъ о мужикѣ, хозяева стали просить его выгнать кикимору и тоже пообѣщали ему сто рублей. Мужикъ радъ былъ деньгамъ, пришелъ въ домъ, да опять такимъ же образомъ выгналъ кикимору. Получилъ онъ денежки и идетъ домой, а кикимора бѣжитъ рядомъ и шепчетъ ему: „смотри, не пытайся меня больше гнать, а не то я тебя съѣмъ!“ Что дѣлать мужику, опять его просятъ

Она захрипѣла:—а, ты опять пришелъ, я тебѣ развѣ не говорила, чтобы ты не ходилъ. Теперь я тебя съѣмъ.

Рисунокъ В. Ткаченко.

выгнать кикимору изъ дома самага перваго богатѣя. Всѣ знаютъ, что кромѣ мужика никто выгнать кикимору не можетъ. Долго онъ отговаривался, все боялся загубить свою жизнь, да все же соблазнился двумя стами рублей и пошелъ. „Будь, что будетъ, думаетъ, пойду“. Только что вошелъ мужикъ въ двери, а кикимора на него со всѣхъ ногъ такъ и накинулась, да такая презлющая. Она закричала: „а, ты опять пришелъ. Я тебѣ развѣ не говорила, чтобъ ты не ходилъ.

Теперь я тебя съѣмъ“. Весьма испугался мужикъ, не знаетъ, что сказать, да вдругъ пало ему на умъ: „что ты, матушка, говоритъ онъ, вѣдь я пришелъ не гнать тебя, а сказать, что Лютра изъ воды вышла, тебя и меня ищетъ съѣсть“. Быстро вылетѣла кикимора изъ дому, да прямо къ рѣчкѣ— только брызги поднялись. Тѣмъ все дѣло кончилось; мужикъ избавился отъ лѣнивой и упрямой жены и разбогатѣлъ.

Кузнецъ и чортъ.

Жилъ одинъ кузнецъ, человѣкъ бѣднѣйшій-пребѣднѣйшій, а мастеръ своего дѣла, удивительный мастеръ, но счастье ему не давалось въ руки, какъ онъ ни старался зашибить копѣйку—все напрасно. Въ кузницѣ у этого кузнеца висѣлъ портретъ чорта, нарисованъ былъ онъ страшный-престрашный. Кузнецъ всегда во время своей работы взглянетъ нечаянно на картину чортову, да и плюнетъ или каленымъ желѣзомъ пихнетъ въ нее. Въ одно время работа была у него спѣшная, а дѣло не спорилось, такъ онъ съ досады каленымъ гвоздемъ чорту глазъ выжегъ; да и много разныхъ ругательствъ дѣлалъ кузнецъ надъ картиною. Чортъ зналъ про это, что кузнецъ издѣвается надъ его портретомъ, терпѣлъ, терпѣлъ и не вытерпѣлъ:— „Постой, думаетъ, я задамъ кузнецу ходу!“ Взялъ онъ въ одно время, когда кузнеца не было въ кузницѣ и прива-

лилъ огромный камнище къ дверямъ кузницы, такъ что войти въ нее не было никакой возможности, а самъ спрятался за кузницу и сталъ дожидать кузнеца. Вотъ пришелъ кузнецъ, видитъ, что у его кузницы привороченъ камнище, сталъ ругаться на пропалую, потомъ и пошелъ за аншпугомъ, чтобы имъ своротить камень съ мѣста; аншпугъ лежалъ за кузницей. Вотъ бросился туда кузнецъ, взглянулъ и видитъ, что тамъ чортъ запрятавшись.—А, такъ это ты со мной такую штуку сдѣлалъ, закричалъ кузнецъ. Потомъ схватилъ чорта за шиворотъ и давай его лудить аншпугомъ по спинѣ. Чортъ видитъ—дѣло худо, кузнецъ бить не перестаетъ, и сталъ онъ просить прощенья. — Ступай, говоритъ кузнецъ стащи камень на прежнее мѣсто да больше никогда мнѣ и на глаза не кажись, хуже избыю. Чортъ отворотилъ камень и ушелъ отъ кузнеца, а кузнецъ